

А. Чаянов

**Необычайные, но истинные
приключения графа Федора
Михайловича Бутурлина,
записанные по семейным
преданиям московским
ботаником X**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
А11

А11 А. Чаянов
Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина, записанные по семейным преданиям московским ботаником X / А. Чаянов – М.: Книга по Требованию, 2022. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-2180-7

Известный советский ученый — экономист с мировым именем, автор трудов по истории науки, истории Москвы, искусствоведению, А. В. Чаянов (1888 — 1937) был еще и оригинальным писателем — беллетристом. Цикл предлагаемых читателю повестей является собой цепь увлекательных, остроюжетных романтических историй о Москве начала XIX века, и в этом смысле наследует творческие концепции Пушкина, Одоевского, Вельтмана.

ISBN 978-5-4241-2180-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© А. Чаянов, 2022

Александр Чаянов
Необычайные, но истинные
приключения графа Федора
Михайловича Бутурлина,
записанные по семейным
преданиям московским
ботаником X

*Ольгуньке , девочке моей родной —
чтобы не скучала !*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. Начало

«Летят за днями дни крылаты».

Н. Поповский

Догорали дни московского бабьего лета. Белые плотные облака недвижно стояли на синем, почти кубовом небе. Золото осенних кленов расцвечивало Коломенское и склоны Нескучного. В воздухе реяла паутина. А по ночам холодные лунные тени летящих облаков тревожно проносились по дорожкам московских садов.

Это были последние дни безмятежного московского жития молодого Бутурлина.

С трепетом необычайным вспоминал он впоследствии эти неповторяемые дни своей юности.

Он помнил Орлова, который, устав от созерцания кулачных боев и могучего маха белоснежного Сметанки, часами сиживал на зеленых лугах Нескучного и, смотря в воду поставленной перед ним серебряной купели — старик уже не мог поднимать головы, — ловил отражения бесчисленных голубиных стай, выброшенных с его голубятен в безоблачное небо и белыми облаками реющих над крестами Новодевичьего и над излучиной Москва-реки.

Это было время, когда Параскева Жемчугова пленяла сердца в Кусковском театре и двадцать домашних театров московских вельмож безуспешно пытались оспаривать ее славу; когда Головкин, Теорез и Чефроли наполняли строящиеся дворцы московской знати полотнами великих мастеров, рожденными под горячим солнцем Италии и в призрачных туманах Амстердама, а Новиков и Шварц в тиши масонских лож задумывали планы работ московских мартинистов.

Федору Бутурлину эти дни казались вереницей балов, спектаклей Медоксова театра и чинных ужинов Аглицкого клуба, где бывал он, сопровождая старика отца, и где выслушивал скучая суждения былых государственных мужей об ошибках петербургской политики и кознях иллюминатов.

Кочуя с бала на бал, соперничая с Корсаковым в успехах покорения сердец, а с Дундуковым в числе выпитых бокалов, Бутурлин мог почитать себя счастливейшим из смертных, пока в одну из осенних ночей провидению не оказалось угодным бросить его в круговорот событий необычайных, выбивших на многие годы его жизнь из спокойного русла.

На балу у Разумовских со старой теткой княжны Гагариной сделалось нехорошо, и Марфинька, за которой он более месяца уже ухаживал тщетно, не кончив контраданса, должна была покинуть бал, едва успев заткнуть за общлаг его рукава коротенькую записку.

С трудом разбирая невнятные слова, Федор вновь и вновь перечитывал четыре строчки, наполнявшие его душу радостью. В волнении необычайном понял наконец, что Марфинька велела ему быть этою же ночью в два часа у ее балкона в саду.

Еще не было и двенадцати, и Бутурлин не представлял себе, как вынесет он венчость двухчасового ожидания.

Сутолока бала его угнетала; его сознание давили мигающие свечи канделябр, голубые лакеи, бесшумно ступая, разносившие прохладительные напитки, и

толпы девушек, скользивших по лаковому полу амфилады парадных комнат.

Он невпопад отвечал на вопросы и был бесконечно рад, когда удалось ему незамеченным выбраться с бала и, кутаясь в плащ, скрываться в осеннюю холодную темноту улиц Лефортова.

Было холодно и сыро. Луна все чаще и чаще застилалась громадами надвигающихся на нее туч, и не прошло и получаса, как Федор под струями тяжелого осеннего дождя уже жалел, что слишком поспешно покинул теплые комнаты дворца Разумовских.

Порывы ветра не раз сносили с его головы черную шляпу, а развеивающийся плащ, казалось, перестал быть защитою от дождя. Водяные потоки заливали камзол, и Федор с трепетом соображал, во что обратится его наружность через час подобного испытания.

Путаясь в темноте в переулках и спотыкаясь о подвертывающиеся под ноги тумбы, он никак не мог выйти назад к Разгуляю и был несуразно обрадован, когда среди всеобщего мрака перед ним блеснули ярко освещенные, отпотевшие изнутри окна какого-то дома. Не отдавая себе отчета в том, что он делает, начал Бутурлин что было сил стучать у его подъезда.

Глава II. Граф Яков Вилимович Брюс

«Начавши играть на Тотус, отказаться уже от него не можно».

*Расчетистый карточный игрок
1796 года.*

Дикая ссора с двумя заспанными и насмерть перепуганными лакеями, хотевшими выбросить Федора на улицу, готова была уже перейти в драку, когда звуки серебряного колокольчика приостановили недвусмысленные намерения встревоженных охранителей.

Через минуту старик камердинер, ходивший в комнаты с докладом о происшедшем, вернулся и сообщил, что его сиятельство граф Яков Вилимович Брюс изволили закончить вечерние пасьянсы и пред началом утренних просят гостя к ужину.

Мертвенно-бледные руки старика, держащие не оконченный вязко чулок, и все его дряхлое, готовое рассыпаться тело, облеченнное в старую потрепанную ливрею, дрожало от волнения, вызванного необычайностью событий.

Да и Бутурлин, потрясенный именем хозяина, которого почитал умершим еще при жизни своего деда, чувствовал, как учащенно забилось его сердце, когда его провели по ряду полупустых комнат, по дубовому полу которых бежали тени туч, то открывавших, то закрывавших лунный диск.

Однако он овладел собою и бодро вошел в дверь ярко освещенного кабинета, открытую ему почтительно и в трепете склонившимся лакеем.

— Садись, батюшка Федор Михайлович! Садись! Гостем будешь! — услышал он дрожащий старческий голос и увидел перед собою за огромным, покрытым зеленым сукном столом, ярко освещенным двумя мерцающими двенадцатисвечными канделябрами и заваленным десятками карточных колод, дряхлого старика в мундире петровских времен, увешанного звездами и орденами и с зеленым зонтиком на глазах, защищающим старческое зрение от нестерпимо яркого мигания свеч.

Федор, смущенный происшедшим невероятно, опустился в кожаное кресло.

Старик, тася одну за другую лежащие перед ним колоды, смотрел на Бутурлина из-под зеленого зонтика своим серым упорным стеклянным глазом и что-то говорил, покачивая головой.

Слова не долетали до потрясенного сознания Бутурлина, и стариk, как бы поняв это, повелительно протянул руку в темноту.

Из полумрака внезапно возник лакей, держащий на подносе два бокала, очевидно с горячим пуншем, так как пламя голубыми огненными языками поднималось над ним.

Огненная влага пламенем пробежала по жилам Федора, с первого же глотка ударила ему в голову, и стариk, казавшийся где-то далеко, далеко, вдруг вырос и приблизился, а слова его старческого голоса со звоном ударяли по голове.

Из завязавшейся беседы Бутурлин понял, что граф Яков Вилимович, уже многие десятилетия покинувший свет и лишенный сна, в своем уединении денно и нощно занят раскладыванием причудливых пасьянсов, находя это занятие не менее завлекательным и значительным, чем тот жизненный пасьянс, ко-

торый довелось ему пережить.

Старческие восковые руки, с длинными желтыми ногтями, трогали потемневшие от времени и диковинными фигурами разложенные на зеленом сукне карты, поясняя значение получившихся сочетаний.

Минута бежала за минутой. Голубые мейсенские фарфоровые часы с пузатыми амурами, стоящие на камине за креслом графа, показывали половину второго, а старик все говорил и говорил.

Из его бессвязных слов выходило, что он более пятидесяти лет не видал ни одного живого человека, и в то же время оказывалось, что он доподлинно знает всю подноготную о всех знакомых и друзьях Бутурлина лучше, чем сам Федор.

При этом выходило как будто бы даже и не так, что старик узнал это из карт, а как-то иначе... Будто сами карты, разложенные на зеленом сукне Лефортовского дома, правят незримо человеческими судьбами.

— А как ты, батюшка Федор Михалыч, полагать изволишь, сколько бы дала графиня Дарья Минишина, чтобы промеж них не пиковая, а червонная десятка легла? — говорил, усмехаясь, старик и тыкал своим костлявым пальцем в трефовую даму, окруженную черными мастьюми.

«Что за вздор!!!» — и Бутурлин поднялся из своего кресла, силясь вырваться из гнетущего плена.

«Что? Вздор? Карты мои вздор? — желчно закричал старик. — Да если бы ты знал, паскудыши, что здесь разложено! Да если бы ты...» — старик разразился кашлем, схватился за грудь и, видя, что Бутурлин угрожающе наклоняется к столу, выхватил из средины пасьянса бубновую даму и закричал в ярости.

«Не видеть тебе твоей Марфиньки! Анафема!»

Федор в бешенстве сгреб со стола разложенные карты пасьянса в кучу и, схватив одну за другой несколько колод, начал швырять ими в побагровевшее лицо Брюса.

Старик с закатившимися глазами полетел на пол замертво; карты вихрями кружились в воздухе. Свечи зашипели и начали гаснуть, а в открывшиеся внезапно двери хлынула дворовая челядь с факелами и дрекольем.

Бутурлин, однако, торопился; не принимая боя, вышиб ногою балконную дверь и вместе с вихрем несущихся в воздухе карт выпрыгнул в ночную темноту.

Глава III. В порывах ветра

«Вообразите богиню любви, когда она вышла из океана; представьте себе глаза небесного цвета, большие, томные, сладострастные, губы маленькие, пунцовые, пленяющие милую улыбкой...»

Н. Макаров

Ветви деревьев в графском саду гнулись с треском и били Бутурлина по голове. Вихрь, как сорвавшиеся с цепи демоны, рвал облака на небе, вывески с домов, листья с ветвей и все это, перемешиваясь с картами Брюсова пасьянса, летало в порывах бури перед глазами Бутурлина.

Федор, тщетно кутаясь в плащ и удерживая рукою треуголку, стремился выйти на Покровку к Гагаринскому дому...

Однако порывом ветра его всегда сшибало с ног, как только он подходил к нужному повороту. В ушах свистело, и ему казалось даже, что временами он видит за поворотом улицы на крыше дома толстые щеки надрывающегося Гиперборея, совсем такого, как его рисуют в книгах космографии и на старинных картах...

Ветер, ежеминутно менявший свое направление, отдувал его ото всякого нужного ему поворота. Федор, окончательно выбившись из сил, прислонился к стене дома и прислушался, как учащенно билось его сердце.

Сквозь порывы бури услышал он, как на Спасской башне пробило два. Час свидания был упущен. Тщетно проборовшись еще полчаса, он отдался наконец на произвол бури, и ветер понес его по улицам, как носит по дорожкам сада осенний кленовый лист; прогнал его сквозь какие-то переулки, пустыри, бурьяны, снова переулки и вдруг стих. Бутурлин в изумлении оглянулся. Он стоял посередине какого-то незнакомого ему сада. Черные мокрые стволы лип окружали его со всех сторон. Порывы бури улетали куда-то вдали. Падал крупный осенний мокрый снег.

Перед ним из сырого мрака выплывали слабо освещенные и плотно занавешенные изнутри окна и стеклянная полуоткрытая дверь.

Федору почему-то показалось, что он в саду Гагаринского дома и там за этими шелковыми занавесями его ждет Марфинька.

Понял свою ошибку, только когда затворил собою дверь и, вдохнув насыщенный духами воздух, раздвинул материю занавесок.

Перед ним на краю кровати сидела незнакомая девушка и горько плакала.

Черные пряди ее наполовину распущеных волос падали на тонкое полотно украшенной кружевами рубашки. Кругом в страшном беспорядке было разбросано только что снятое платье, казалось, еще хранившее теплоту ее тела.

Комната тонула в каком-то теплом, насыщенном запахом женских духов и розовой пудры тумане.

Плечи девушки вздрагивали, и она, смотря прямо перед собой широко открытыми глазами, плакала беззвучно катящимися слезами.

Сердце Бутурлина билось все сильнее и сильнее. Потрясенный до глубины души, он почувствовал, что вся жизнь его до этой минуты потеряла цену в его

глазах.

Покорный волшебному очарованию, он раздвинул скрывавшие его занавеси и опустился на колени около незнакомки.

Та вздрогнула, в ужасе посмотрела на него и, когда он попытался что-то сказать, с неожиданной быстротой приложила палец к губам в знак молчания, а другою рукою молча, но повелительно показала на дверь.

Федор, забывши, где он и что с ним, схватил ее руку и покрыл поцелуями.

Девушка силилась освободиться и встала. В каком-то пароксизме любовного опьянения Федор, не сознавая, что делает, не выпустил ее руки и только еще крепче сжал ее, между ними завязалась напряженная молчаливая борьба. Вырвавшись из непрошенных объятий, девушка неосторожным движением сбросила ленту со своего плеча, и ее рубашка скатилась на пол.

Федор дико вскрикнул.

Вслед за белоснежной белизной груди перед ним блеснуло тело, все сплошь покрытое рыбьей чешуей.

Почти тотчас в соседней комнате за дверью послышались тяжелые мужские шаги, и через мгновение, в которое девушка успела спрятать своего мучителя за занавесями двери и накинуть на себя какой-то халат, в комнату вошел седой человек в военном мундире.

На его сердитый оклик девушка ответила что-то, называя старика дядей, он недоверчиво отвернулся от нее и, подозрительно осмотрев комнату, уже собрался уходить, как вдруг порыв ветра, ворвавшийся в полуотворенную дверь, поднял дверные занавеси чуть ли не до потолка, и. Бутурлин оказался лицом к лицу перед побагровевшим от ярости полковником.

Старик с диким ревом бросился на него, и после нескольких мгновений ожесточенной борьбы избитый, в разорванном платье Федор вырвался и, выскочив в сад, убежал, оставив плащ в руках своего преследователя.

Глава IV. Иллюминаты

*«В прошедшую ночь найден подле
Вестминстерского Аббатства человек,
неизвестно кем зарезанный».*

Н. Макаров

Ветер уже прекратился, но снег валил хлопьями, как в январе.

Руки и ноги Бутурлина коченели, он скользил в снежных сугробах и не понимал, в какой части города находится.

На какой-то площади наткнулся на спящего стоя будочника. Желая его разбудить, потянул его за рукав и в ужасе увидел, как будочник, не разгибаясь, упал навзничь, как кукла, и Федору даже показалось, что у сторожа под ногами была круглая подставка, как у деревянного солдатика.

Наконец, добрался до реки и несказанно обрадовался, когда из гнилого тумана перед ним выплыли знакомые очертания Яузского моста.

Пар клубился над черными струями реки. Деревянная настилка моста глухо и неестественно громко стучала под ногами Федора.

Дойдя до середины моста, Бутурлин в ужасе бросился бежать обратно — ему показалось, что из черных вод Яузы высунулись какие-то несусветные хари и, дико хохоча, протягивают к нему свои лапы.

Снежный вихрь и мороз снова охватили его.

Пробираясь из улицы в улицу, он вдруг заметил, что сзади крадутся по стене две какие-то тени. Он перешел на другую сторону улицы, потеряв в порывах бури свою шляпу, и бросился бежать к перекрестку, но внезапно остановился. Из-за угла высунулась чья-то голова и тотчас скрылась. Федор резко повернулся, сбил с ног напавшего на него из темноты человека, но в тот же миг почувствовал, что на его голову накинули мешок, схватили за ноги, повалили и, завязав во что-то мягкое, понесли.

По движениям своего тела и толчкам понял он вскоре, что его втащили по лестнице в какой-то дом и положили на пол. Через несколько мгновений почувствовал острую боль в ноге от неосторожно затянутой веревки. Его развязали и сдернули с головы мешок.

Перед ним за длинным, покрытым черным сукном столом сидело несколько человекоподобных существ. Их головы были закрыты капюшонами, в прорезы которых сверкали белки разъяренных глаз.

По железным и золотым эмблемам, лежащим на столе, по семисвечникам, колеблющимся в руках двух стоящих по бокам и также замаскированных прислужников, Бутурлину стало до жути ясно, что он был в руках иллюминатов, само существование которых еще вчера отрицал и почитал вымыслом досужей фантазии.

Не обращая на него никакого внимания, ужасные фигуры, нагибаясь друг к другу, обменивались суждениями и излагали в коротких словах свои мнения. У Бутурлина волосы стали дыбом и на лбу выступил холодный пот, как только он сумел из доносящихся до него слов уловить содержание их речей.

Вопрос шел даже не о его судьбе. Смертный приговор был, очевидно установлен заранее. Казавшиеся ему гигантскими, человеческие существа спорили